

ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

Свободная газета

№ 21

февраль 2018

свободных поэтов

Андреаполь - Пено - Торонец

Нелидово - Белый

МЕТЕЛЬ НА СВЯТКИ

Прими, метель-подруженька,
В наряд широкопол,
В мелькающее кружево,
В свой прозрачный подол.

Закружimsя, завьюжены,
Сольёмся – не разнять.
И примемся мы суженых
Пургою соблазнять.

Ты петь, я вытанцовывать
С носка на каблучок.
С пути собьем бубнового:
Держись-ка, мужичок.

Наш хоровод для вольного,
На рыцарский покрой.
Не от того ли больно мне,
Что ты – не тот герой.

ЗА АДАМОМ

Мы каемся, не смея согрешить,
Боимся риска, искренних порывов.
Не размотав клубка, теряем нить,
Прикидываем прежде перспективы.

Жить осторожно – в этом есть резон.
Бесстрастно, смирно населять планету,
Не рваться к звездам и за горизонт,
Любимых выбирать по трафарету.

За дерзкий помысл робкого стиха
Меня вы не судите слишком строго.
Познания плод, ведь он и плод греха...
Адам, не откусить ли нам немного?

В придорожном случайном кафе
Я – без спутника, вы – без подруги.
Будто с вами в особом родстве
И друг друга берем на поруки.

Опьянит ароматный парок,
Не гадать нам на гуще кофейной.
Пять глотков – и пора за порог.
Я ничья и вы тоже ничейный.

Будет бить в ветровое стекло
Осерчавшая белая вьюга.
Было ль, не было – утекло.
А судьба, как и мы, близорука.

Маргарита Петрова,
Андреаполь

«ИЗ ВАРЯГ В ГРЕКИ»

Под таким названием вышел недавно в Великих Луках новый альманах. Это уже четвертый выпуск стихотворного сборника, инициатором и составителем которого стал председатель литературно-художественной творческой группы «Рубеж», член Союза писателей России, член правления Псковского регионального отделения Союза писателей России А. Б. Канавщиков.

Кто же вошёл в четвертый выпуск альманаха? Наряду с такими известными именами, как А.Н. Краденов (главный редактор журнала «Поэзия XXI век»), М.И. Ножкин (народный артист России) вы прочтёте и имена, которые слышать не приходилось. Рядом с профессиональными поэтами – выпускниками литинститутов разных лет, найдёте и авторов самодельных – «в лучшем смысле этого слова», – отметит в статье А. Канавщиков.

48 участников, 105 стихотворений авторов из разных уголков России, и не только, представлены в книге.

В заключительной статье А. Канавщиков пишет: «Конечно же, Великие Луки взяли за столь глобальную инициативу по представлению современного поэтического

го процесса не от хорошей жизни. В идеале подобной задачей должны заниматься столичные журналы и организации – выстраивать контексты, открывать новых авторов. Однако в действительности всё происходит совершенно иначе... Русская поэзия должна мыслить себя в масштабах всей страны. Иначе однажды ни страны у нас единой не будет, ни языка».

Действительно, страна представлена широко. Здесь читатель найдёт авторов из Оренбургской области, Краснодарского края, Владивостока, Москвы, Санкт-Петербурга и многих других городов. Много поэтов, проживающих в Псковской области и в Великих Луках. И это понятно.

Тверской читатель увидит здесь и своих земляков. Среди них известный организатор литературных конкурсов «Каблюковская радуга» Владимир Львов, братья Василий и Михаил Рысенковы из Торжка, торопчанин Борис Лапченко, андреапольцы Михаил Ильюшонок, Маргарита Петрова и Мария Черкасова, нелидовец Иван Кирпичёв.

И в заключение ещё небольшой отрывок из статьи А.Канавщикова: «... поэзия, несмотря на все некрологи, посвящённые ей, жила, живёт и жить будет».

На снимках: А. Канавщиков на встрече с читателями Андреапольской библиотеки.

Валентина Никанорова, Пено

Валентина Никанорова родилась в 1973 году в Пенковском районе. Детские и школьные годы прошли в посёлке Пено. После окончания средней школы с серебряной медалью и педагогического факультета ТГУ работала учителем в сельской и частной столичной школах, воспитателем в детском саду, преподавателем в Старицком педучилище.

В 2003 году стала штатным сотрудником редакции районной газеты «Звезда», а позже возглавила её. Заместитель руководителя литобъединения «ПЛОТ».

Пишет стихи и песни, играет на гитаре.

Стихи публиковались в районной газете «Звезда», поэтическом сборнике местных самодеятельных поэтов «Под радугой», альманахах Каблуковских литературных встреч, журнале «Преодоление», а также в коллективных сборниках пенковских авторов.

ФЕВРАЛЬский стих

Пришёл февраль. Родился стих.
И вновь зуд творчества утих.
Свалился в пятки, как душа.
И дремлет там, едва дыша,
Боясь морозов и пурги,
И мглы ночной, когда ни зги
Не видно, хоть коли в глаза...
Пойду в кино! На «Кин-дза-дза».

Солнце в фольге

Утки удирают на юга...
Слышишь, милый? Удирают утки!

А на нас идут, идут снега.
Нет в запасе ни одной минутки.

Лето закатилось в старый лес.
И пакует осень чемоданы.
Нам не стоит ждать от них чудес.
Пусть уходят, званы и не званы.

Нам зима пуховую постель
Приготовит и заварит чаю.
Разведу, как прежде, акварель –
Я свиданье музе назначаю.

У листвы я лёгкости займу,
Стати – у небес ширококрылых,
А в реки зеркальную фольгу
Солнце оберну, чтоб не остыло.

Небо в листьях, солнышко в фольге,
Вместе посмеёмся новой шутке.
И отставим в сторону мольберт...
Только посмотри – вернулись утки!

Постскрипtum

*Когда уходите на пять минут,
Не опоздайте вовремя вернуться,
Чтобы ладони тех, которые вас ждут,
За это время не успели разомкнуться.*

О. Хайям

Когда-нибудь наступит день,
Всё станет слишком просто.
Оставим мир, он жил без нас,
А мы – всего лишь гости.
Откуда мы? Куда уйдем?
Нельзя постичь все тайны.
И кто мы есть, зачем живем,
А может, всё случайно?
Начала нет и нет конца.
Мы день за днём в погоне.
Но не забудь в глаза взглянуть,
Оставь тепло в ладонях...

Горела спичка лишь секунды,
Перерождаясь в уголёк.
Вот так и жизнь сторит, покуда
Не ценим дней её поток.
Считаем, что ещё успеем,
Ещё далек тот скорбный час,
В который сладостным елеем
Живущие помянут нас.

Мама

Ты придёшь ко мне ночью усталой,
Только жаль, что не наяву.
Залетишь в окно звёздочкой малой,
Пошумишь листвою на ветру.

Постучишься в окно тёплым ливнем,
Прикоснёшься цветком невзначай,
По щеке проведёшь тополиным
Белым пухом, шепнув: «Не скучай...»

Ты придёшь ко мне ночью усталой,
Лёгким сном успокоишь, любя.
Если б только ты, мама, знала,
Как мне здесь не хватает тебя.

Очищение

Последний лист календаря
Сорву без жалости и грусти.
В окне – пятно от фонаря
И темноты тугие сгустки.

Опять на рубеже. Один
Остался миг, чтоб снять коросту
С души. И засиял бы нимб...
За миг очиститься непросто.

Нам жалко времени и сил,
Растраченных в пустых заботах.
Одним год радость приносил,
И горьким был он для кого-то.

Год, что промчался, словно день,
Мы оглянуться не успели.
Спеша, считали дни, недели...
От них осталась только тень.

Зажгу свечу. Глаза закрою,
Вновь отпущу в полет мечты...
Как всё же хорошо порою
Очиститься от суеты.

В ночи луна загадочным пятном
На небе примостилась одиноко
И льёт свой свет так томно нешироким
Лучом в моё открытое окно.
Она сегодня в радужной оправе,
Укрыты звёзды одеялом облаков...
Ты мне печальные приметы не готовь.
Ведь я не верю в них. И ты не вправо.
В ночи луна загадочным пятном
Сквозь облака пробилась одиноко
И льёт свой свет задумчиво-глубокий
В души моей открытое окно.

Я расскажу тебе...

Хочешь, я расскажу тебе зиму –
Как за окошком метели поют,
Как расставанье невыносимо
И как метели уснуть не дают.
Хочешь, я расскажу тебе лето –
Это в глазах твоих озера синь,
Солнце в кудрях и вопрос без ответа...
Лишь о весне рассказать не проси.
Хочешь, я расскажу тебе осень –
Радуга в небе зажглась в октябре...
Осень тихонько уйдёт и не спросит,
Стоит ли нам снова петь о зиме.
Хочешь, я расскажу тебе зиму...

содружество литераторов
Вестфронт

МОЕЙ МАЛЕНЬКОЙ ВЕРЕ...

Алина Рязанова,
Андреаполь

Ты еще совсем беззащитна, именно поэтому знай: не торопись вырастать, ведь и взрослой ты будешь так же беззащитна, только со временем уйдут те люди, которые сейчас готовы отгородить тебя от всех бед.

Люби воду. Непременно люби воду. Пей много воды и принимай душистые ванны. Вода – это живительная влага. А тёплые ванны неплохо снимают стресс, помогая прийти в себя. Поверь, во взрослой жизни тебе будет без этого никуда. Весь стресс впереди.

Обязательно много читай. Читай всё то, что заставляет трепетать тебя, и верь во всё волшебное. Это неплохо облегчает серую обыденность и позволяет расширить границы нашего кругозора.

Учи стихи. Пусть немного, но обязательно запомни самые важные строки из классиков. Это будет твоей визитной карточкой, и поверь, мужчины любят мозги, а не оголённую грудь.

Непременно побывай на море. Влюбись в него и навсегда запомни вкус южного вина и морского бриза на губах. Эта будет одна единственная любовь, которую ты пронесёшь через года. Смыслями о которой ты будешь засыпать.

Никогда не повышай голос. Крик портит голосовые связки, а вот умение спокойно донести информацию до оппонента – это талант.

Обязательно научись танцевать.

Танцы – это не просто сексуально. Танцы подарят пластичность твоему телу, и ты сможешь освоить новый язык. Язык танца. Он удивителен.

А еще влюбись. Обязательно. Прямо чтобы до дрожи. Чтобы ощущать в себе это вязкое чувство, которое перечеркнет всё то, что было ДО. И даже если будут ПОСЛЕ слёзы, не огорчайся. Любовь без слёз – всего лишь нелепое увлечение. Когда любишь, обязательно будут слёзы. А вот будут ли это слёзы счастья или печали? Тут положишься на судьбу.

Занимайся тем, что ты любишь. Отдай всю себя одному делу. Пусть ты обретешь это только через года. Но ты обязательно попробуй и никогда не сдавайся.

Не сплетничай и никогда не обсуждай чужую жизнь. Это низко. Говори об искусстве, музыке и книгах. Это куда продуктивнее.

Обязательно борись со своими фобиями, а если не сможешь, никогда никому не рассказывай об этом. Не давай возможности людям ударить именно туда, где больнее и страшнее всего.

Уважай близких тебе. Мирись с ними и учись прощать. Если же нет, просто отказывайся от них. Жизнь слишком мала, чтобы копаться в сундуках обид и сказанных когда-то резкостях.

Не ругайся матом.

Лучше не кури. Пусть в легких распускается магнолия. А если не сможешь устоять, то делай это красиво и только после своего совершеннолетия. И лучше с пером в руках. Пиши свою историю.

Пользуйся дорогими духами и не верь в женскую дружбу, ибо та предаст тебя раньше, чем мужчина.

Целуй руки матери. Говори маме о своей любви. Только сейчас у тебя есть эта возможность. Разговаривать с надгробьями мучительно больно. Поверь.

Люби всё то, чем наградила тебя жизнь. Смакуй каждый день. Наблюдай за миром и расправь свои крылья. Вся сила в тебе. И выбор за тобой, взлететь ли, либо бродить по земле в поисках себя, собирая оставленные кем-то крохи.

А пока, моя маленькая Вера, побудь еще ребенком. Запусти воздушного змея, начерти классики и съешь сахарную вату. Тебе ещё нечего бояться сладкого.

Бабьему лету

И вот он предо мной – осенний путь.
А я ещё у Августа в объятьях
И в звёздные глаза его гляжу.
У сентября не хватит куражу
Нас разлучить. И я цветное платье
На тёмный драп сменю когда-нибудь,
Но не сейчас, покуда зной в груди.
А листопад велит считать потери!
Но Августейший обещал не зря
Вернуться к середине сентября.
Я обещаю безоголдно верю,
И две недели счастья впереди!

Вера Грибникова,
Тверь

Это чудо ли, колдовство ли,
радость грязной глухой дыры –
годовые остатки боли
белым сыплются на двory.

Я смотрю на недолговечный,
на шиповничий снегопад –
как морщинистые сердечки,
как под шапочками, дрожат.

Полчаса и крупинки в чёлке –
и стоит во дворе, велик,
сразу тающий получёрный
мой октябрьский снеговик –

то ли вспышка порыва, то ли
силы есть ещё.

В гаражах
всё прерывисто тараторит
пистолет шиномонтажа.

Татьяна Винокурова,
Тверь

А дальше будут только холода,
заплаканные стёкла, шорох капель,
и небо точно блёкляя слюда,
и лес расхристан, и весь мир как
паперть...

А дальше будет только этот снег,
пугающий своею чистотой,
лежащий на чёрный глянец рек,
летающий над тобой и надо мною...

А дальше... всё известно наперёд.
Я как во сне твою сжимаю руку,
и вижу ледостав и ледоход,
но кто-то вдруг окошко распахнёт
и душу выпустит,
и кончит эту муку...

Ольга Кочнова,
Тверь

ДЫЛДА

Ольга Алексеева,
г. Нелидово

Дождь шёл мелкий – мелкий, как пыль. Но стекло было полностью залито. Напрасно Виталик протирал его тряпкой, дышал, надеясь хоть что-то увидеть. Струйки дождя стекали, оставляя причудливые зигзаги. Виталику стало совсем тоскливо. Почти каждый день он наблюдал из окна своей квартиры за спортивной площадкой. Там, на площадке, была совсем другая жизнь. Там носились с мячом на здоровых ногах мальчишки и девчонки, там кипели нешуточные баталии, и просто там было весело.

Особенно нравилось наблюдать Виталику за Любкой. Это была высокая девочка с русыми волосами, собранными в хвост. Длинная чёлка закрывала глаза, поэтому Люба постоянно мотала головой, как нетерпеливая лошадка. На площадке Любу звали Дылдой. Как только собирались ребята и начинался матч, с площадки доносились крики: «Дылда, пас!!! Дылда, лови!!!». И Люба ловила, отбивала и забирала мячи, ловко впечатывая их в корзину. Виталик всегда нервничал, когда шла игра. Из окна не очень хорошо был виден правый угол площадки, и, если девочка играла на той половине, Виталика начинала пробирать нервная дрожь. Он сжимал до боли в пальцах ручки инвалидной коляски, лоб покрывался испариной. Хорошо, что кто-то постоянно выкрикивал счёт.

Однажды мама тоже присела рядом возле окна. Игра ещё не началась. К площадке только подтягивались ребята. Сердце радостно забилось, когда Виталик увидел Любу. Девочка шла, ссутулив плечи, размахивая спортивной сумкой, и смешно волочила ноги в огромных нелепых кроссовках.

– Какая несуразная девочка, – вздохнула мама. – Даже страшенькая.

– Кто?? Люба?? – У Виталика от волнения перехватило горло.

Мама, увидев, как занервничал сын, засмузилась и пробормотала: «Ну, мо-

жет, мода такая, носить непонятную обувь». И помолчав, добавила: «И причёску».

Виталик схватил маму за руку и зашептал: «Ты не уходи, подожди, пока начнётся игра. Вот увидишь. Никто лучше не играет».

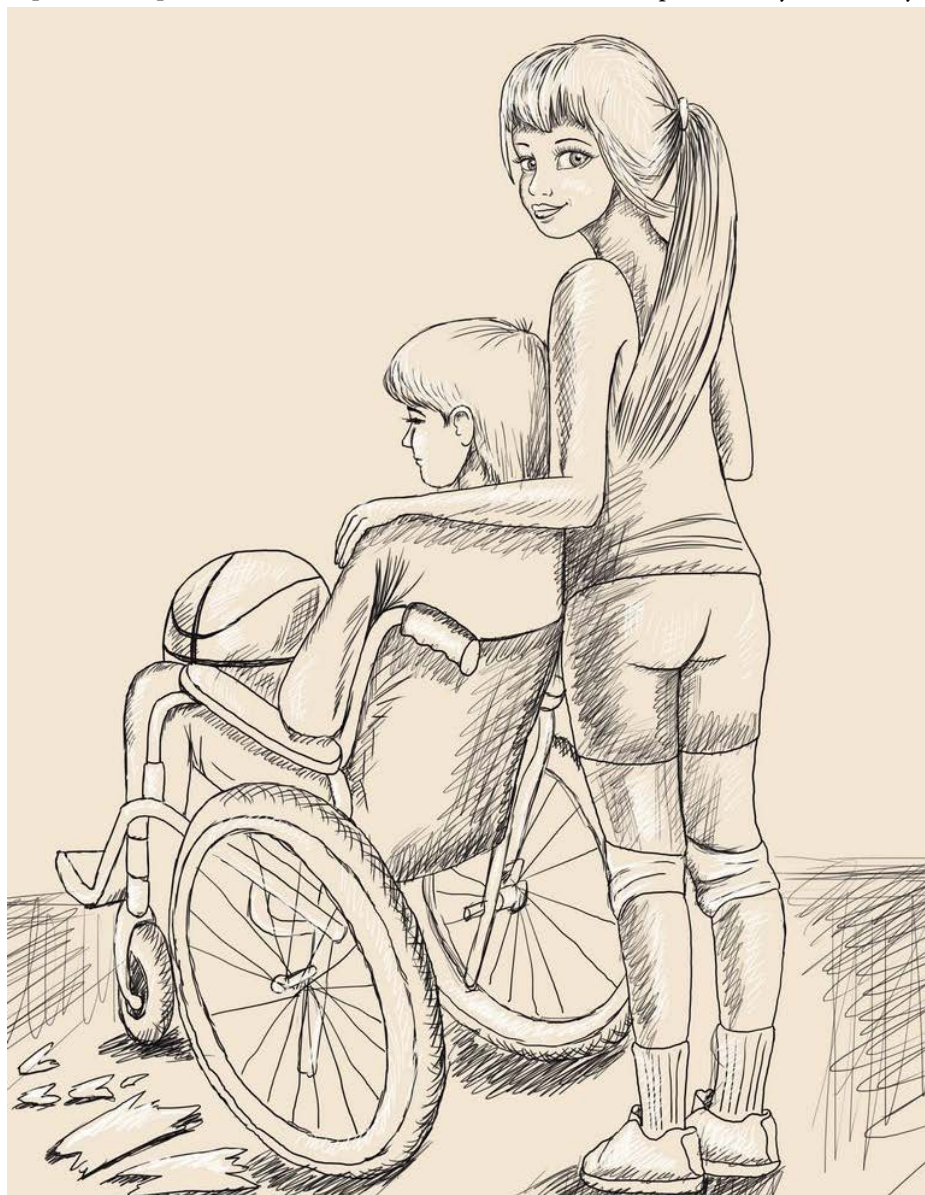
Мама осталась. Она увидела, как и в самом деле преобразилась девочка. Во время игры она стала похожа на большую, сильную птицу. Исчезла сутуловатость, появилась лёгкость, бесконечно длинные ноги переносили девочку с одного края площадки на другой. Мама тихонько наблюдала за сыном. За сыном, который уже два года был в инвалидном кресле. Она видела, как внимательно он наблюдал за игрой, как нервничал, и какими глазами

он смотрел на эту странную девочку.

Мама смахнула ладонью набежавшие слёзы, поцеловала сына в макушку и сказала: «Она и правда красивая, твоя Люба».

Но сегодня шёл дождь. А значит, ребят на площадке не будет. Виталик отъехал от окна и включил телевизор. Неожиданно сквозь равномерный шум дождя он услышал крики ребят и глухой звук мяча. И вдруг...

БАМС!!! Оконное стекло треснуло и разлетелось на кусочки. А в комнату влетел оранжевый мяч. На улице стояла тишина. Виталику показалось, что даже дождик замер на мгновение. Потом послышались быстрые шаги, и через мгновение в разбитом окне появилась голова Любы. Девочка оглядела комнату и столкнулась взглядом с Виталиком. Она словно не замечала его инвалидного кресла. Безуспешно ду-

рисунки Александра Северина

нула на мокрую чёлку, которая падала на глаза и сказала: «Привет».

– Привет, – улыбнулся парень. Подъехал на коляске к мячу и взял его в руки.

– Ты... это, – Люба снова дунула на чёлку и продолжила, – не сердись. Родаки дома? Сейчас ребята стекло новое принесут.

– Да я не сержусь, – снова улыбнулся Виталик. – Ты давай, залезай в комнату. А мамы дома нет.

Девочка ловко подтянулась на руках и перекинула ноги через подоконник.

– Меня Люба зовут, – сказала она и спрыгнула в комнату.

– А меня Виталий.

Люба огляделась по сторонам.

– Здорово у тебя здесь. Ты что, баскетболом занимался? – девочка разглядывала кубки и награды, которые стояли на полке.

– Да. До аварии.

Люба внимательно посмотрела на Виталика.

– Слу-ушай, – протянула она, – а ты судить умеешь? Нам судья срочно нужен на соревнования.

– Да какой из меня судья! – раздражённо крикнул Виталик. – Ты что, не видишь?

Он застучал ладонью по инвалидному креслу.

Люба удивлённо подняла брови.

– Ты дурачок? На фига судье бегать? Подумаешь, кресло инвалидное. Было инвалидное, станет судейское. Мы на него ещё мантию какую-нибудь накинем. Знаешь, как здорово будет?

Виталик ничего не понимал. Два года прошло после ТОЙ аварии. Два года бесконечной тоски и боли, жалующих взглядов и неискренних улыбок. А тут стоит перед ним какая-то дылда и вообще не обращает внимания на инвалидное кресло. Парень даже закрыл глаза. Но открыв, понял, что всё происходит наяву. Вон разбитое окно, капли дождя на подоконнике и мокрые следы на полу. А перед ним стоит Люба и подбрасывает на руке оранжевый мяч.

Виталик неожиданно для себя рассмеялся.

– Какая ты красивая! – крикнул он.

– Кто? – девочка даже огляделась по сторонам. – Я???

– Ты, конечно.

– Издеваешься? – Люба резко бросила мяч в Виталика. Парень поймал мяч и снова сказал:

– Нет, не издеваюсь. Ты правда очень красивая.

Девочка замерла. Неуверенно провела рукой по волосам, потом стала тереть невидимое пятнышко на рукаве, а потом вдруг захохотала.

– Ну, ты шутник! Я? Красивая? Ой, умора!!!

Виталик подъехал к Любе и молча взял её за руку. Люба перестала смеяться и удивлённо смотрела на парня.

Под окном послышался шум и голоса. Люба подскочила к окошку.

– Ребята, я нашла нам судью!

Через пару минут в комнату зашли друзья Любы. А через полчаса в комнате стало шумно и весело. Окно вставили, вскипятили чайник, сбегали в магазин за батоном и сыром. И когда пришла мама Виталика, она увидела большую компанию ребят, которые сидели за столом в зале и что-то горячо обсуждали. Она увидела, как её сын снова стал похож на прежнего, весёлого Виталика, каким он был два года назад.

А утром в дверь позвонили. Виталик открыл дверь и ахнул. Перед ним стояла Люба. Но вместо длинной чёлки и «конского» хвоста, на голове было красивое каре. Русые волосы цвета незрелой пшеницы красиво рассыпались по плечам. На ногах Любы вместо уродливых огромных кроссовок были отличные спортивные кеды.

– Привет! Ты готов?

– К чему?

– К труду и обороне! – Люба шагнула вперёд. – Там ребята уже трон тебе соорудили. Сегодня последняя тренировка перед соревнованиями. Живей собирайся.

Всего пару дней назад Виталик думал, что его жизнь – это сплошная тоска и боль. Всего пару дней назад Люба думала, что она – некрасивая дылда, на которую никто из мальчишек не посмотрит, как на принцессу. Всего пару дней назад мама Виталика не думала, что может увидеть своего сына счастливым... А нужно было всего лишь... разбить стекло!

Хотя нет. Нужно всего лишь быть РЯДОМ.

РЯБИНА

Алеет рябина в саду под окном,
Её я когда-то сама посадила.
И было все это не так уж давно,
Я парня в ту пору всем сердцем любила.

Сквозь нежное кружево тонких ветвей
Лукаво луна мне смотрела в окошко,
И я, пошептавшись с рябиной моей,
Спешила к любимому лунной дорожкой.

Нам дивные звёзды сияли в ночи
И ветерок навевал что-то доброе.
Но только о счастье давай помолчим,
Оно оказалось такое недолгое.

Не понял меня мой дружок дорогой,
Ушёл, на прощанье назвав недотрогой.
Ушёл мой любимый к девчонке другой
Ему одному лишь известной дорогой.

Теперь он обходит меня стороной,
При встрече случайной и глаз не поднимет.

О том, как мне больно и горько одной
Поведаю только любимой рябине.

*Александра Устнова,
Нелидово*

Край родной, о тебе и молва.
Заплетай в свои косы туманы.
Подари мне такие слова,
Чтоб звучали могуче, органно!
И волшебною силою их
Унесло меня к древним истокам,
Где рождался родной мой язык
И сливались сказанья в потоки.
Покажи мне, Торопец, зарю,
Восходящую в дымке озёрной,
Я зарей той холсты напою,
Как водою живой чудотворной.

*Юрий Никоноров,
Западная Двина*

Какие страстные ветра
летят на север за удачей
и обнимают до утра
истомно стонущие мачты,
и ускоряется земля,
и к сердцу подступает трепет,
и напрягаются, гремят
на клюзах якорные цепи.
И сразу хочется от врат
под дробь маршировать поротно,
в багровый, дымчатый закат
уоставив хищный подбородок,
а может, натянув струну,
и скрипку уперев в аорту,
порвать в лохмотья тишину
просинкопированным форте,
иль от бедра, не целясь, влёт
лупить с лепажей обозлённо,
в тугую синь небес и вод
смотреть в упор, незастеклённо,
прожжённым рукавом стирать
со скул пороховую сажу
и всласть на марсе трепетать
в шкафу слежавшимся плюмажем,
решать проблемы походя,
прослыть бретёром и пижоном
и от секущего дождя
не укрываться капюшоном...
Но дремлет в бархате лепаж,
отлакирован и оценен,
и отнайтован такелаж,
и крепки якорные цепи,
и мачты стонут до утра,
и вдоль окон неутомимо
несутся южные ветра,
но всякий раз всё мимо...
мимо...

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

Если очень ко мне захочешь -
Приезжай.
Льется нежность моя сегодняшняя
Через край.
Она завтра остынет и будет
Не так свежа.
Может, будет со вкусом полыни.
Приезжай.

**Елена Корлюкова,
Новозавидово**

БЕЛАЯ ПОПКА

(из книги «На картах не значит»)»

Дело было в конце сентября. Утром, в ожидании отъезда на аэродром, мы сидели в «кунге» и, как обычно, азартно шлёпали картами. До обозначенного времени отъезда оставалось ещё минут пять-семь, и «кунг» был заполнен только наполовину – лётчики постепенно подтягивались к машине из лётно-технической столовой.

Рядом с нами томилась ожиданием пятёрка игроков – им не хватало ещё одного человека, чтобы начать игру. Карты уже были розданы, шестая кучка карт сиротливо лежала на краю лётного портфеля в ожидании своего хозяина. Наконец дверь распахнулась, и по лесенке в кузов поднялся майор Бахур. Игроки оживились – Иван слыл в гарнизоне картёжником азартным и опытным. Но, против обыкновения, всегда весёлый и жизнерадостный Иван на этот раз ни с кем в «кунге» даже не поздоровался. Более того, не ответил ни на чьи приветствия. Наконец, что уже и вовсе было странно, он, проигнорировав настойчивые приглашения пятёрки игроков, молча сел в угол и, положив на колени свой пузатый замполитский портфель, устался прямо перед собой ничего не видящими, остановившимися глазами. Вид у Ивана был странный, какой-то взъерошено-растерянный.

– Вань!.. Ва-ань!.. Бахур!! – наконец дозвался его, обеспокоенный видом своего замполита, комэска третьей. – Ты, часом, не заболел?

– Мужики, – обвёл нас удивлёнными глазами «очнувшийся» Иван. – А ведь меня сейчас самую малость не убили...

В «кунге» наступила мёртвая тишина. Все повернулись к Бахуру.

– Рассказывай! – потребовал Земляков.

И Иван, то и дело сбиваясь от волнения, рассказал.

В это утро он, как обычно, вышел на утреннюю пробежку: до озера и обратно – в общей сложности примерно километра три. Час был ранний, солнце ещё не вошло, и в лесу стояли дремотные густые сумерки.

Бахур неторопливо бежал по хорошо утоптанной широкой лесной тропе, полной грудью вдыхая свежий, уже почти морозный, утренний воздух и думая о чём-то своём, незначительном, когда справа вдруг грохнул выстрел, и что-то шарахнуло в сосновый ствол буквально в метре впереди от него. Иван упал, как подкошенный, стараясь не дышать и лихорадочно соображая: что бы это могло быть и, главное, – что делать? В лесу после выстрела стоя-

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

ла оглушительная тишина, испуганно молчали птицы; казалось, даже ветер перестал раскачивать верхушки сосен. И в этой тишине Бахур, обмирая, отчётливо услышал сначала тихий металлический щелчок, а потом – чьи-то осторожные шаги: кто-то крадучись шёл к нему, стараясь как можно мягче ступать по жёсткой, предательски шуршащей, осенней траве. «Добивать идёт!» – мелькнуло в голове у Ивана страшная догадка. Медлить было нельзя ни секунды. Под ногой убийцы хрустнула ветка, и Бахур, резко вскочив, пригнувшись, метнулся в противоположную сторону. «БДАХ! БДАХ!» – оглушительно грянули один за другим два выстрела. Над головой взвил смертоносный металл. Иван упал, поднялся, снова упал и, вскочив, заметался, запетлял между деревьями. Сзади торопливо заклацали курки перезаряжаемого ружья. «Двустволка... – догадался Бахур. – Секунд десять в запасе есть...» Он перестал петлять и, закрыв лицо руками, рванул напрямик через кусты. В ушах засвистел ветер, ветки жёстко хлестали по ладоням. За что-то зацепившись, с треском порвалась ветровка. «Только бы не споткнуться!.. Только бы не споткнуться!..» – лихорадочно стучало в голове у Ивана. Выстрелов больше не было. Промчавшись по прямой метров триста, Бахур резко свернул влево и, сбавив скорость и стараясь не шуметь, побежал назад к гарнизону, всё время напряжённо поглядывая в ту сторону, где остался неизвестный киллер. На всякий случай Иван сделал приличный крюк и,

обогнув ближнюю сопку, выскочил к домам со стороны ГДО.

– Домой прибежал – мокрый весь, хоть выжимай, – закончил свой короткий рассказ Бахур. – А в столовую пришёл – есть не могу, руки трясутся, вилку не могу удержать, – и он вытянул перед собой ладонь с растопыренными пальцами – пальцы заметно подрагивали.

Напряжённая тишина, царившая в «кунге» на протяжении всего рассказа, взорвалась. Со всех сторон посыпались комментарии и предположения.

– Вань, а ты, часом, ни к чьей жене Клиньев не подбивал? – высказал самую правдоподобную версию начальник штаба первой Беличенко. – Может, это какой-нибудь роконосец злопамятный?

Бахур испуганно затряс головой.

– Это кто-то из местных, – кровожадно прищурил глаз, предположил Серёга Выдыш. – Из потомков раскулаченных. Комиссарам мстит.

В «кунге» заспорили. Случай действительно был, как говорится, из ряда вон, и у каждой точки зрения нашлись свои сторонники и оппоненты. В самый разгар спора на пороге возникла высокая фигура Бори Петрова.

– Всем пживет! – перекрыл нестройный хор голосов зычный Борин голос. – Что за шум, а дгаки нет?

– Да тут с утра такие новости... – начал объяснять ему сидевший с краю Мишка Сорокин, но Боря не дослушал.

– Это всё фигня! – жестом остановив Сорокина, безапелляционно заявил он. – Главная новость у меня! – он сел и, дождавшись относительной тишины, мечтательно произнёс: – Мужики, у меня сейчас такая фишка на охоте случилась – за-ка-ча-ешься!

Разговоры в «кунге» смолкли. Все знали Борю как прекрасного остроумного рассказчика, и народ приготовился слушать очередную из бесконечных охотничьих Бориних баек.

Боря, поёрзав, устроился поудобнее, оглядел притихший «кунг» и принялся излагать.

– Пошёл это я нынче, стало быть, на охоту. Рано пошёл, темно ещё было. Думал, на озего как газ на заге выйду. А там и утка может быть, и что покрупнее. Ага... Иду, стало быть, по лесу, никого не тгоаю. И тут!.. – Боря сделал драматическую паузу. – Смотгю – бежит. Нет! Сначала слышу! Бежит. Мягко так: тыгдын-тыгдын. Ага... Потом смотгю – олень! Кгасавец! Метга два в холке, г;ога – во! – Боря вытянул над головой руки с растопыренными пальцами. – Бежит, метгов сто от меня, за кустами...

– Как же ты его в темноте разгля-

дел-то? – встрял вечно скептически настроенный Выдыш. – Да ещё со ста метров и за кустами?

Боря только отмахнулся.

– Ты оленя-то хоть газ видел, пехота?! Олень, он же пгиметный! Попка у него белая! Попку-то в сумегках чётко видно, – он показал рукой как двигалась вдалеке попка оленя. – Когоче, смотгю – скачет. Ага... Ну, я г;ужьё – с плеча, упгегждение пгикинул и ка-ак дал! Кагтечь! Он – бгык! – лежит. Стало быть, попал. Ага... А у меня во втогом стволе – дгобь, «дуст», десятка – на утку там, на птицу г;азную. Ага... Я быстрее г;ужьё пегезагяжать – в оба ствола кагтечь, а сам потихоньку к оленю иду. И тут он ка-ак вскочит! Ка-ак чегез кусты ломанёт! Я – навскидку – шагах! шагах! В голову целил. А он, как заговогённый, – и пошёл, и пошёл! Только попка белая скачет: ввех-вниз, ввех-вниз!..

– Попка?! – раздался пронзительный вопль из угла, где сидел Бахур, и Иван, с перекошенным лицом, ястребом налетел на Петрова. Схватив Борю за грудки, он принялся яростно трясти охотника. – Я тебе покажу попку!! Я тебе такую попку сейчас покажу!! Браконьер хренов!..

– Ты чего?! Ты чего?!.. – откинувшись назад, ошеломлённо отбивался Боря от разъярённого замполита. – Мужики! Да чего он?!

– Чего я?! – не унимался Иван. – Сволочь!! Белая попка!! – он особенно сильно встряхнул Петрова. – ША-ПОЧКА это была моя!! Понимаешь ты, охотник хренов?! Шапочка это была моя белая!! А никакая не попка!! Я в белой шапочке бегаю всегда!! Ты же МЕНЯ, паразит, чуть не завалил!..

Взбешённого Бахура с трудом оттащили от Бори. Но всю дорогу до аэродрома Иван шипел, плевался и время от времени выкрикивал из своего угла в сторону незадачливого охотника всякие обидные слова.

– Ишь, браконьера пригрели в гарнизоне!.. – кипятился Иван, и было уже не совсем понятно, что больше всего задело замполита третьей: то, что в него стреляли; то, что в него стреляли, но не попали; или то, что его приняли за белого оленя. – Ружьё таким охотникам об голову надо ломать!! По живым людям от стрелять вздумал!.. Очки купи себе, «робингуд» слепорыль!!.. Стрелять научись, мазила криворукая!!.. Попка, видите ли, у меня белая!!.. Рога у меня, понимаешь, вот такие!!..

В общем, белую попку оленя Боре в Орловке припоминали ещё долго. А Ваня Бахур свою приметную спортивную шапочку всё-таки вскоре поменял. На тёмно-синюю.

Синоптическое

Стужа в силе – февраль дерзит, А синоптик твердит заранее, Что Земле кулаком грозит Вековое похолодание. Бродит ветер, угрюм и бел, Стынут души пустыми фразами, Каменеют водой в трубе Все слова, что напрасно сказаны... Только нам ли дрожать с тобой? – Божьим птицам что лёд, что дерево. Нам тепло раздавать судьбой В беловьюжном краю доверено. Гладить вечность рукой-строкой, Греть закаты и зори ранние И струиться одной рекой Через время и расстояние, Чтоб размылся в капельный смех Да в синичкиныпереблюзия Серо-белый февральский снег – Синоптическая иллюзия.

*Игорь Столяров,
Нелидово*

Белым снегом

Белым снегом чистым-чистым Заметает старый двор, Ветхий дом наш неказистый И скамейку, и забор.

Как, зима, тебе мы рады! Ты на счастье нам дана! И, любуясь снегопадом, Обнялись мы у окна.

Нам с тобою наслажденье- И молчать, и говорить, И с малиновым вареньем После чай на кухне пить.

Мы стихи взалёб читаем... И, на крыльях красоты Улетаем... улетаем... В мир, где только я и ты.

*Раиса Земскова,
Нелидово*

Вдохновив на подвиг ратный Друга ль, недруга ль, держись. Ибо он тебя ответно Может тоже вдохновить.

*Елена Зернакова,
Нелидово*

ПРО ТОНКОСТЬ ОТНОШЕНИЙ

СЛУЖЕБНО-РОМАНТИЧНОЕ

Я помню, как однажды поутру
Шагнули вы в наш офис – конуру,
Где сплетни, шум, грызня и несвобода
На поводках формального дресскода.
С тех пор душа томится всякий раз,
Когда вы с парой мелодичных фраз
В мой кабинет походкою монаршей
Вплываєте изящной секретаршей.
Зашквар, завал, заботы полон рот.
Вы сотворили чудный бутерброд,
А я как будто вас не замечаю
И жажду лишь заваренного чаю...
Я понимаю: платя чайный тон –
Вернейший путь в банальный
моветон,
Где визги сплетниц, падких до амора:
«Что – с секретаршей шашни?! – Вот
умора!»
Зачем же всё равно храню надежду,
Что мы однажды снимем с душ одежду,
Открыв тела, дадим делам отбой
И станем просто мною и тобой?

*Игорь Столяров,
Нелидово*

НО СМУЩАЮСЬ
СТРАННУЮ ДОГАДКОЙ

Каждый день опять одно и то же:
Не бросая всех текущих дел,
Я затылком чувствую и кожей
Пристально направленный прицел.
Думаете, взгляды незаметны?
Взгляды много могут рассказать!
То, что спрячут губы и приметы –
Непременно выдадут глаза.
Ваше обострённое вниманье
Чем, позвольте, заслужила я?
Это наказание, испытанье –
Не споткнуться, мимо проходя.

Но смущаюсь странною догадкой:
Неужели много лет подряд
Я сама на Вас смотрю украдкой?
Словно не заметить можно взгляд!

*Наталья Иванова,
Пено*

ТОНКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Укутаю-ка душу в шаль,
Захлопну в своём сердце ставни.
И день, и ночь томит печаль:
Не смотри на меня начальник!

Не просит кофе принести,
И чаю заварить не просит.
Сидит, закрывшись, до шести,
Ну просто не хватает злости!
Терпенье лопнет наконец –
Я без одежд и украшений
Войду и покажу, гордец,
Всю гамму тонких отношений!

*Светлана Виноградова,
Нелидово*

НЕТОНКИЕ НАМЕКИ

У дверей замрешь ты робко,
Взгляд – послание тоски.
В курточке джинсовой знобкой,
В дырочках кой-где носки.
Чашечка на три глоточка
В крупной спрячется руке.
А в окно стучится ночка,
В сумрак – все накоротке.
Тонкий разговор за чаем
Проще станет затевать.
Взгляд все чаще, замечаю,
Ты бросаешь на кровать.
Шаг какой-то до забвенья,
А быть может, до греха...
Вот и все стихотворенье.
Ждали больше? Ха-ха-ха!

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

ПРЕСТИЖНОЕ

В чернила ночи снежным коридором
С опаской, еле вспарывая тишь,
Я бессердечным пробираюсь вором
К окошку твоему. Ведь ты не спишь.
Не хрустнет ветка. Не «вздохнет» ка-
литка.
И не залает сторож у крыльца.
Престижней кражи золотого слитка
Красотку увести у мужа-гордеца.

*Федор Чибисов,
Нелидово*

Пугал ноябрь февральскими снегами,
Сугробы наметая у крыльца.
А я топила печь и пирогами
Заезжего кормила молодца.
Ах, как он рассыпался мелким бесом:
«И домовита я, и хороша...»
Луна повисла над застывшим лесом,
Загадочна, как женская душа.
А гость речист. Передохнуть не хочет.
От пирогов с капустой пряный дух.
В курятнике моем вот так вот кочет
Бахвалится. На то он и петух.

*Светлана Большенкова,
Нелидово*

Что-то шепчет дождь в ночи –
Слов не разобрать во сне,
Я тебя забыл почти –
Ты уже не снишься мне.
Плачут струи в унисон
За прозрачностью стекла,
Мне приснился странный сон,
Что любовь у нас была.
Смотрит круглый циферблат
Безразлично со стены,
Кажется, часы спешат,
Только стрелки не видны.
Ведь еще совсем темно
За стеною в двух шагах.
Я тебя забыл давно –
Потерял в далеких снах.

*Иван Кирпичев,
Нелидово*

ВСТРЕЧА

Ты на пороге, пахнущий дымом.
Время течет сквозь нас,
Разлукой касаясь неумолимо.
Всё просто и без прикрас.
До дрожи под пальцами
Гибкие плечи
И губы, не знающие запретов.
Свечу загасивший рябиновый вечер,
Истаявший нежностью до рассвета.

*Елена Корлюкова,
Новозавидово*

ТЫ ОСТАНЕШЬСЯ?

А если я скажу, что сменю профессию,
Прогоню из дома депрессию,
Протру вековую пыль на шкафах,
Побегу за тобой впопыхах...
Ты останешься?

А если я скажу, что начинаю писать
роман
И что героев ты придумаешь сам
И эту совместную работу
Будем писать мы год за годом...
Ты останешься?

А если скажу, что хочу рядом быть,
В непогоду тебя белым крылом укрыть,
И чтобы всем ветрам назло
Тебе было под ним тепло...
Ты останешься?

*Агния Ост,
Андреаполь*